

ИДУ ПРОТИВ ВЕТРА

Культура. - 1994. - 8 окт. - С. 8

Михаил Ромадин:

Я ВСЕГДА

Культура. - 1994. - 8 окт. - С. 9

Уже более двух часов мы беседовали с Михаилом Ромадиным в его мастерской на Масловке, рассмотрели и обсудили многие работы — живописные полотна, большие акварели, целые свитки рисунков, перелистали каталоги и проспекты немалого числа персональных выставок, состоявшихся в Москве и в городах Сибири, за рубежом — во дворце ЮНЕСКО, в галереях Парижа, в Техасском университете и Русском клубе ООН в Нью-Йорке и в других залах мира, а я все не могла нащупать основной нерв творчества этого художника, сформулировать для себя его творческий принцип. Может быть, потому, что в творческом багаже Ромадина работ великое множество: разные темы, разные жанры, разные исполнительские техники — графические серии и живописные циклы, символическая лирика и политические памфлеты, работа в кинематографии и театре, иллюстрирование книг и литературные опыты. И каждая работа многообразна, наполнена большой визуальной информацией, многозначна по содержанию, сложна по языку.

Но вот одно высказывание вдруг приоткрыло мне философию творчества художника.

— Мне как-то пришло в голову зарисовать каждый прожитый день. Сделать 365 рисунков за год. Такой графический дневник одного года жизни. Ведь каждый день интересен, что-то происходит, возникают какие-то впечатления, приходят мысли, переживания, наблюдения. Я как художник проживаю с волнением каждый момент, каждую деталь бытия.

Очень люблю рисовать с натуры уличную жизнь, дома, кафе, вывески. И когда рисую, то словно живу в любом малом пространстве. Как бы открываю окно и смотрю, что там внутри. Стараюсь понять, как все устроено — карниз, наличник, фонарь, кам-

на натуре, а уже рисовать то, что видит глаз, такого и во все не бывает. Но работы Михаила Ромадина — это не академические штудии и не эскизные зарисовки, а творческое экспрессивное рисование, в котором чувствуется напряжение руки и мысли художника. Острые точные линии словно перья пронизывают композицию, «организуют» графический лист, передавая ритмы городской жизни, движение уличной толпы, пластику старинной и современной архитектуры. Интенсивный цвет иллюминирует графику, и композиция загорается всплесками света, игрой отражений.

— Я чувствую, что в ваших изображениях есть какой-то подтекст, второй слой. Какая символика скрыта в ваших работах?

— Да никакой символики в них нет, я ничего не придумываю. Наоборот, меня интересует гармония случайно, то, как сама жизнь соединяет автомобили, вывески, витрины. Недаром одну мою выставку в Париже назвали «Тротуар». Я ничего не режиссирую, меня увлекает то, как жизнь оставляет свои следы на зданиях, памятниках, на мостовой, разные надписи, трещины, руины. В этом хаосе для меня особая красота.

На мой взгляд, магия работ Ромадина состоит в том, что хаос жизни он превращает в гармонию линий, цвета, в художественную целостность. Находит особые ракурсы, деформирует реальное пространство, чтобы охватить большую панораму города. В

этом есть какая-то особая кинематографичность видения (недаром он окончил ВГИК и был художником фильмов у Кончаловского и Тарковского). В картинах Ромадина город дышит, движется, страдает, сквозь него осязаемо течет время.

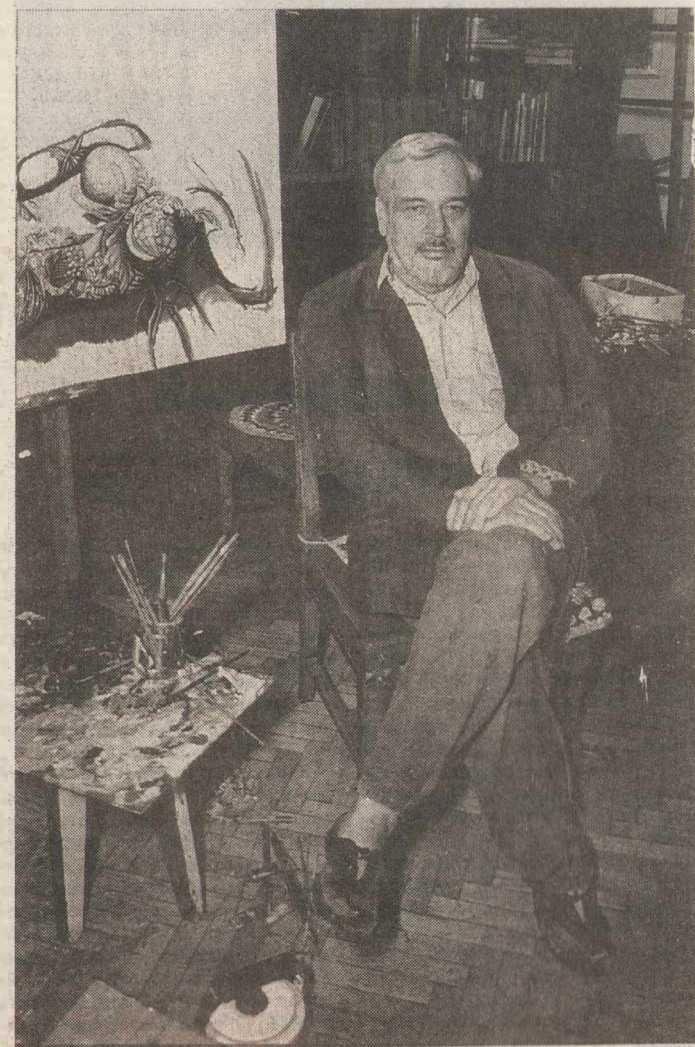
— Михаил Николаевич, можно ли назвать «город» основной, сквозной темой вашего творчества?

— Нет, я работаю над разными темами. Пишу картины-фантазии, пишу реальные интерьеры. Меня увлекают человеческие лица, психология толпы. Сделал серию сатирических портретов политических деятелей. Композиции, посвященные американскому джазу. А уж если

говорить о сквозной линии — то я бы назвал внутреннее движение формы, через которое я стремлюсь раскрыть социальные и временные аспекты явления.

— Критики обычно склонны распределять художников по стилевым направлениям, раскладывать по полочкам — концептуалист, сюрреалист, минималист и тому подобное. И художники на Западе строго придерживаются избранной манеры и, как говорится, работают серийно. Это обеспечивает им внимание галерей и в конечном счете коммерческий успех.

Какое из современных течений вам ближе? Я сама затрудняюсь определить, к ка-

кому «изму» причислить творчество Ромадина. — Я не придерживаюсь какого-либо одного направления. Мне это скучно. Меня привлекает то одно течение, то другое. Это зависит от времени, от настроения, от страны, где я работаю. Можете называть это эклектикой. Или постмодернизмом. Поэтому я неудобный для галерей художник. Не могу втиснуть себя в какие-то рамки. Всегда иду против ветра. Например, недавно меня заинтересовал «стиль Арчимбольдо» — это итальянский художник-маньерист XVI века. Его творчество было совершенно уникально, ни на кого не похоже. На его картинах аллегорические персонажи — Весна, Осень, Земля,

Огонь — были составлены из предметов, цветов, овощей. Его фантазия, символическая образность поражают. На мой взгляд, он был предтечей сюрреализма наряду с Босхом. Я сделал серию работ в таком духе — картины и скульптура «Флора и Фауна». В них представил мир природы как образ женщины-богини, тело которой формируют плоды, растения, птицы. Ее словно пронизывают соки земли. К несчастью, моя Флора, которая экспонировалась на Международной выставке в Монте-Карло, была похищена вместе с другими семью картинами. Объявлен розыск, но пока безрезультатно.

— В последние годы вы много бываете за рубежом, подолгу живете и работаете

в разных странах. Какие настроения сейчас в мире искусства? Распространено мнение, что интерес к модернистским явлениям искусства идет на спад. И что увеличивается разрыв между художником и обществом, что изобразительное искусство теряет свой престиж.

— Я бы не стал говорить о потере престижа, об отсутствии интереса к пластическим искусствам. Иное дело, что в обществе чувствуется усталость от современных направлений, ощущается их исчерпанность.

Прежде всего усталость от ироничности современного искусства. Ведь его основной постулат — ирония, насмешка над всеми общепринятыми понятиями, представлениями, чувствами. И самоирония художника. Ни к чему не относиться серьезно, даже к самому себе — вот главный принцип. Мы все подвержены этим настроениям. Большие эпохи не смеялись над собой, у них были идеалы, вера, серьезные задачи. Но теперь это кажется скучным. Наша эпоха — эпоха декаданса. И не надо комплексовать по этому поводу. Это исторический факт!

— Каких же перемен в искусстве следует ожидать?

— Что будет — я не могу предсказать. Но ясно, что оживает интерес к авангардному искусству, к периоду сецессиона — к живописи

праерафаэлитов, к Бердслею с его утонченной графикой, к стилю «ар-нуво» с его орнаментальностью. А также к русским художникам Серебряного века, устраиваются их выставки, много публикаций. Постоянно вспоминают «Русские сезоны» Сергея Дягилева. Мы ведь снова на пороге века, и напрашиваются аналогии. Для себя я обозначаю новые тенденции как «пост-ар-нуво».

Я сам в последних работах сознательно иду связи с искусством Серебряного века — заканчиваю серию больших акварелей, посвященных Александру мосту в Париже, столетие которого недавно отпраздновали во Франции.

В мастерской Ромадина я увидел несколько акварелей-картин, посвященных этому роскошному сооружению с бронзовыми скульптурами и фонарями. Элемент театральности в композиции, декоративность цветового решения, общее романтическое настроение действительно напоминают о высоких традициях русского искусства рубежа веков. Но более всего поражает мастерство акварельной живописи. Только тот, кто знаком с кухней изобразительного искусства, может по-настоящему оценить, что такое написать акварелью с большим живописным полотном, тщательно проработанное, крепко пост-

роинное. Или скомпоновать рисунок, охватывающий периметр целого выставочного зала, как это делает Ромадин.

— Сохраняется ли сейчас в мире профессиональное мастерство изобразительного искусства или академическая школа искусства в целом отрицается современными направлениями и не находит применения в художественной практике?

— Нет оно не отрицается, а сознательно игнорируется. Художники демонстрируют свое якобы неумение. Но потому, что профессиональная школа упала, а потому, что современное искусство требует иных форм выражения. А традиционные приемы изображения как бы связываются с буржуазно-коммерческим искусством, с массовым сознанием. В новых течениях главное — интеллектуальное начало, а визуальная форма второстепенна. Но ремесло не может умереть вовсе, оно уходит в побочные сферы.

И все же многие критики отмечают, что модернизм расширяет профессиональную школу пластического искусства, и падение изобразительного мастерства болезненно переживается. И вот, как говорится, жальчик качнулся в другую сторону. Об этом свидетельствует, в частности, недавно прошедшая в Париже в Гран-Пале выставка «обманок», trompe l'oeil, о которой

рассказал Ромадин. На этой выставке была представлена живопись и скульптура, начавшаяся с XVII века до наших дней, в жанре иллюзорного воспроизведения природы. Это были работы разных направлений, но все в духе «обманок», а здесь уже без ремесла не обойтись. Интерес к иллюзорному изображению симптоматичен. Конечно, современные «обманки» — не повторение наивных натюрмортов XVIII века или ботанических листов Федора Толстого, в которых художник как бы впервые открывал красоту предметного мира. Современные художники уже прошли все искусства модернизма и постмодернизма и обращаются к имитации природы во всеоружии своего опыта и изощренного воображения. Теперь «обманки» — не направление, а лишь жанр, пикантный эксперимент, несущий в себе отражение многих художественных течений.

— Сейчас многие русские художники работают в странах Европы и в США. Как там они себя чувствуют? Вписываются в общий мировой контекст или сохраняют отечественную школу, наш русский менталитет?

— Мне трудно ответить на эти вопросы. Мир художников очень закрыт, каждый проживает в одиночку. Я лично живу и работаю сам по себе, никаких спонсоров у меня нет. Сначала было труд-

но, но теперь я имею регулярные приглашения на выставки. Иногда удается что-то продать...

По моим наблюдениям, русские художники живут обособленно, коллеги в других странах не пускают их в свое сообщество. Конкуренция! Во Франции, например, есть ассоциация русских художников, я и моя жена Виктория Душина состоим ее членами.

Безусловно, русские художники многое вносят в мировое искусство, они очень заметны на общем фоне. У нас есть запас ремесла и творческие идеи — это ценят на Западе. Но наша разобщенность идет не на пользу. На последнем Салоне в Гран-Пале в Париже выставлялось немало русских авторов, и мы с женой там участвовали. Но мы были растворены в общей массе большой экспозиции. Вот если бы собрать всех в один «русский» раздел, как это сделали, например, болгары и словаки, я уверен, он бы здорово прозвучал. Пусть разные направления, но вместе мы бы показали, что у современных русских художников большой творческий потенциал. Отсутствие солидарности нам мешает!

— Да, отсутствие солидарности везде нам мешает — в жизни, в политике и в искусстве.

Людмила КРАМАРЕНКО.

- М. Ромадин. Флора (фрагмент похищенной картины).
- Михаил Ромадин. Фото И. Иванюкова.
- М. Ромадин. Александров мост в Париже.

62